

«команду», роль которой в переходный период представлялась весьма важной. Недаром Пётр Аркадьевич подчёркивал: «В тех странах, где ещё не выработано определённых правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях»¹⁷. Сильная и эффективная власть, считал он, должна иметь вполне определённые и ясные идеалы, обладать «зрелой государственной мыслью и твёрдой государственной волей», быть «хранительницей государственности и целостности русского народа»¹⁸, осуществлять общенациональную политику и во всех своих действиях руководствоваться исключительно государственными интересами. «Мы, — говорил Столыпин о возглавляемом им правительстве, — рулевые, стоящие у компаса, и должны смотреть только на стрелку... Мы — межевщики, которым доверены межевые признаки... Мы — главные, поставленные для охраны демаркационной линии»¹⁹.

Подчёркивая, что в условиях переходного периода принципом «государственного напряжения» должно стать общепонятное русское слово «поднатужиться», Столыпин считал, что правительству следует взять на себя всю тяжесть ответственности за судьбы страны. Требуется создать стройный и эффективный центральный и региональный аппарат управления, иметь на местах «исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами»²⁰. Он был убеждён, что, укрепляя вертикаль власти, правительство должно вести яркую рациональную политику, со всей настойчивостью и целеустремлённостью реализовать в своей программе идею преобразования России «не в направлении радикального, но постепенного прогресса и закономерности»²¹.

В-седьмых, в условиях преобразований особое значение приобретала проблема налаживания оптимального сотрудничества между «обновлённым» правительством, ответственным перед монархом, и вновь возникшими представительными учреждениями. Для совместной работы исполнительной и представительной власти, заявлял Столыпин, крайне важно найти «тот язык, который был бы одинаково нам понятен». Такой «язык», по его мнению, мог сформироваться на основе одинакового понимания правительством и «молодым народным представительством» общегосударственных и общенациональных задач. Обе ветви власти, считал председатель Совета министров, должны проводить в жизнь «обдуманное и твёрдые новые начала государственного строя», что способствовало бы «успокоению и возрождению нашей великой страны»²².

В русле перечисленных концептуальных установок осуществлялась разработка идеологии и методологии плана реформ, который Столыпин образно называл «наша чёрнорабочая программа»²³. Очевидно, что Пётр Аркадьевич не только обладал аналитическим типом мышления, но и смог создать целостную программу реформирования России. Его историческая заслуга состоит в том, что он впервые применил системный подход при разработке и реализации реформ, охватывающих все без исключения ключевые сферы жизнедеятельности страны. Предложенная Столыпиным программа представляла собой национальный тип модернизации России в условиях перехода от аграрного общества к индустриальному, от сословного — к гражданскому, от неограниченного самодержавия — к правовому государству. В сфере устройства политических институтов и структур, определения их прав, компетенций и технологических решений такой тип модернизации можно определить как *консервативно-либеральный*. Что же касается других сфер реформирования, то здесь явно преобладали либеральные начала.

Тип модернизации России, предложенный Столыпиным с учётом своеобразия момента, представлял, на мой взгляд, наиболее оптимальный вариант, который «отсекал» и правоконсервативную модель переустройства страны, и леворадикальные варианты, чреватые непредсказуемыми потрясениями и национальной катастрофой. Столыпинский тип модернизации был рассчитан на постепенную трансформацию России в «русском национально-государственном русле». Не случайно глава правительства столь пристальное внимание уделял укреплению государственности, системы административной власти как по вертикали, так и по горизонтали. В условиях переходного периода государство и его институты, по мысли Столыпина, должны были функционировать в режиме «общего замысла» и «общей воли», инициировать и контролировать всю «цепочку» системных преобразований. Только при этом условии ре-

формы могли дать искомым результат — создать подлинно Великую Россию.

В сравнительно сжатые сроки столыпинских преобразований Россия достигла зримых и внушительных результатов. По темпам экономического роста страна вышла к 1913 году на первое место в мире, а по валовому национальному производству — на пятое. Это свидетельствовало о том, что предложенный Столыпиным тип модернизации оказался результативным, соответствуя государственным и общенациональным интересам России. На мой взгляд, это было связано с двумя важными обстоятельствами: с пониманием ролевых функций государства и его институтов в переходный период и с раскрепощением личности, использованием её творческой энергии во всех сферах жизни.

Несостоятельными мне видятся попытки предъявить Столыпину запоздалый «счёт» за будущую революцию, развал империи и рост национализма. Результаты столыпинских преобразований свидетельствуют как раз об обратном. Недаром его так ненавидели и ультрареакционеры, понимавшие, что реформы ведут к смене политической элиты в стране и трансформации форм собственности (прежде всего латифундиальной), и леворадикалы-экстремисты, которые в случае удаchi правительственного эксперимента оказались бы вне контекста политического процесса в России. Не случайно трагическая гибель Столыпина в Киеве была с одинаковым ликованием встречена и реакционными, и левыми кругами, сознававшими, что успех реформ означает крах их замыслов.

После смерти реформатора намеченные им преобразования, разумеется, продолжались. Но у новых исполнителей не хватало ни воли, ни энергии, присущих Петру Аркадьевичу. Поэтому было бы некорректным — как с научной, так и с моральной точки зрения — предъявлять ему претензии по поводу того, что делали уже другие. Столыпин же предложил действительно рациональный тип модернизации России, и не его вина, что последующая история распорядилась иначе.

Примечания

1. См. напр.: П. А. Столыпин. Библиографический указатель. М. 2002; Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М. 2002; Сидорович Г. П. П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862–1911). М. 2002; Кара-Мурза С. Столыпин — отец русской революции. М. 2002; Фёдоров Б. Г. Пётр Аркадьевич Столыпин. М. 2002; Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М. 2003; Россия сельская. XIX — начало XX века. М. 2004.
2. См.: П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы.

Т. 1–2. М. 2003; Тайна убийства Столыпина. М. 2003; Столыпин П. А. Переписка. М. 2004.
3. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М. 1991; Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод. Документы. Переписка. Мемуары. М. 2003.
4. См.: Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... С. 338, 362–363.
5. Там же. С. 50–51.
6. Там же. С. 51.
7. Дякин В. С. Столыпин и дворянство//Проблемы крестьянского землевладения и внутренняя политика России.

Л. 1972. С. 233–234.
8. П. А. Столыпин: Программа реформ... Т. 1. С. 29, 41, 364.
9. Там же. С. 29–30.
10. Там же. С. 103.
11. Там же. С. 51, 53.
12. Там же. С. 340.
13. Там же. С. 75.
14. Там же. С. 107.
15. Там же. С. 102–103.
16. Там же. С. 94–95, 165.
17. Там же. С. 65, 158.
18. Там же. С. 63, 101, 130.
19. Там же. С. 174–175.
20. Там же. С. 104, 156.
21. Там же. С. 148, 304, 350.
22. Там же. С. 63, 34, 50, 62–63, 86, 240, 264.
23. Там же. С. 239.